

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**
ГУЛИСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ «ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ»

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**студента 5-12 группы направления 5111300 - «родной язык и литература
(русский язык и литература в иноязычных группах)»**

ПАК ГЕРМАНА ГЕРМАНОВИЧА

**на тему: «Вариантные окончания имен существительных в
русском языке»**

Руководитель:

к.ф.н. доцент: Ходжаева Л.В.

Гулистан 2016

Выпускная квалификационная работа утверждена Приказом № ____ от ____
_____ 2016 года Гулистанского государственного университета, обсуждена на
задание Государственной аттестационной комиссии № _____ и оценена на
«_____» баллов (_____) (отлично, хорошо, удовлетворительно)

Выпускная квалификационная работа рекомендована к защите на задание
Государственной аттестационной комиссии, Постановлением научно-методического
Совета факультета «Иностранные языки» № ____ от «_____» _____ 2016 года

Декан факультета: Хамдамов Э.

Выпускная квалификационная работа обсуждена и рекомендована к защите на заседании
кафедры «Русский язык и литература» № ____ от «_____» 2016 года.

Зав. кафедрой:

доц. Кулбаева С.С.

Руководитель:

Ходжаева Л.В.

Выполнил ВКР:

Пак Г.Г.

студента 5-12 группы направления 5111300 – «родной язык и литература (русский
язык и литература в иноязычных группах)»

ВВЕДЕНИЕ

Узбекистан после обретения независимости выбрал свой собственный путь развития – путь масштабных реформ, направленный на строительство демократического правового государства, социально-ориентированной рыночной экономики и сильного гражданского общества. Как подчеркивал глава нашего государства И.А.Каримов, достижение благородных целей, стоящих перед народом Узбекистана, будущее страны, ее процветание и благоденствие, то, какое место она займет в мировом сообществе в XXI веке, – все это зависит, прежде всего, от нового поколения, от того, какими вырастут наши дети¹. Эти мудрые слова ярко отражают суть реализуемой в Узбекистане в годы независимости государственной политики, главным приоритетом которой стала забота о воспитании гармонично развитого молодого поколения – физически здорового и духовно зрелого, интеллектуально богатого, обладающего не только разносторонними знаниями, но и умеющего самостоятельно мыслить, смело смотреть в будущее.

В Законе Республики Узбекистан «Об образовании», принятом вскоре после провозглашения независимости в 1992 году образование рассматривалось как приоритетное направление развития суверенного Узбекистана². IX сессия Олий Мажлиса Республики Узбекистан (август 1997 г.) приняла Закон «Об образовании» в новой редакции и Национальную программу по подготовке кадров³. Эти базисные документы, создав необходимые условия для реформирования и развития всех направлений системы образования, формируют современную непрерывную систему

---

¹Каримов И.А. «Гармонично развитое поколение – решающая сила в развитии страны», Т., 2012г.

²Закон Республики Узбекистан «Об образовании»// Гармонично-развитое поколение – основа прогресса Узбекистана. – Т.: Шарк, 1997.- С.20-30.

³Национальная программа по подготовке кадров// Гармонично-развитое поколение – основа прогресса Узбекистана. – Т.: Шарк, 1997.- С.31-63.

образования, обогащенную новыми звеньями и формами. Среди них академические лицеи и профессиональные колледжи.

В школьном преподавании практически не учитывается диалектика языкового развития. Язык представляется как нечто статичное, неизменное, а его нормы - вечными и нерушимыми. При этом в языке имеются тысячи вариантов, которые возникают вследствие развития языка и отражают временное сосуществование старого и нового качества. Перспективы вариантов подчас раскрывает история их образования. Безусловно, учитель должен культивировать то, что уходит из языка. Современной норме учить надо, но не торопить и уход старого, которое широко представлено в литературных текстах. Это помогает сохранить связь поколений и не отчуждает прошлое от настоящего, классическую литературу от современной. К тому же и в том, что только появляется, оценочный критерий - хорошо, плохо - не самый важный, важно, что системно, а что не системно, что соответствует тенденциям развития, а что нет.

Эволюция языка непреложна, но его развитие складывается из мельчайших, незаметных сдвигов, не нарушающих преемственности речевых навыков. Исходя из теории языковой эволюции нельзя преждевременно осуждать языковые новшества, как нельзя не считаться с прошлым, не уважать и не беречь литературно-языковые традиции. Я считаю, что вопрос по обогащению словарного запаса современного школьника сегодня очень актуален. В условиях научного прогресса в обиход входят все новые и новые слова, многие из которых трудны и непонятны. Поэтому первостепенной задачей учителя русского языка является работа над обогащением и уточнением словарного запаса школьников: чем большим количеством слов владеет человек, тем точнее реализуется коммуникация между людьми, как в устной, так и в письменной форме.

Выпускная квалификационная работа на тему «Вариантные окончания имен существительных в русском языке», акцентируется на проблемах грамотного употребления слов в письменной и устной речи. Большое

количество неуспевающих по русскому языку в значительной степени объясняется тем, что учащиеся недостаточно осознанно овладевают грамматическими понятиями, подчас механически запоминают правила и не могут их применить в видоизмененной ситуации. Зачастую мы слышим неправильное употребление словоформ. Стоит заметить, что допускают ошибки в речи и руководители, и должностные лица. Как часто мы слышим от высокопоставленных чиновников, на телевидении и даже в школах безграмотную речь. Режут слух такие выражения, как бухгалтера, директора и т.д. Примеров множество, но особенную неприязнь вызывают социальные сети, так как наблюдается всеобщее падение грамотности. Все это приводит к тому, что общение посетителей зачастую заходит в тупик, потому как они не понимают друг друга.

В работе рассматриваются типы морфологических вариантов, поясняются сложные случаи употребления различных грамматических форм слов имени существительного; приводятся примеры, сопровождающиеся таблицами, обращение к которым поможет рассмотреть весь спектр затруднений в выборе нужных словоформ.

Актуальность темы обусловлена тем, что в процессе коммуникации и говорящие, и пишущие нередко сталкиваются со сложными случаями образования различных грамматических форм слов разных частей речи, которые вызывают определенные трудности употребления. Все это затрудняет процесс коммуникации, искажает речь (устную и письменную), делает ее грубой, неправильной, т.е. снижает уровень грамотности и культуры речи. Поэтому своевременно и важно проработать данную тему.

Целью исследования является описание и рассмотрение грамматических форм слов имени существительного и выявление трудностей их выбора.

Задачи:

1. Рассмотреть варианты окончания именительного, родительного и предложного падежей единственного и множественного числа имени существительного.

2. Показать на примерах литературных произведений и жизненного опыта правильность и ошибочность выбора словоформ путем сравнения.

3. Обобщив проделанную работу, сделать выводы.

4. Обозначить пути применения полученных результатов.

Объектом исследования являются причины возникновения вариантов окончаний с исторической точки зрения.

Метод и методология исследования. При написании данной работы были использованы метод наблюдения, метод сбора и обработки информации.

Ресурсы: учебные пособия, словари, методические разработки, электронные сайты.

Предмет исследования: окончания имени существительного в русском языке.

Работа включает в себя материал, который востребован для учащихся общеобразовательных школ, студентов колледжей и Вузов, изучающих дисциплину "Стилистика русского языка и культура речи", а также дисциплину "Современный русский язык". Обращение к ней поможет студентам лучше усвоить морфологические нормы современного русского языка, разобраться в сложных вопросах русской грамматики и тем самым повысить свой речевой уровень. Ученики и студенты - это будущие дипломированные специалисты, и они должны говорить и писать грамотно. В повседневной жизни довольно часто наблюдаются варианты, нарушающие норму, которые классифицируются как просторечные, диалектные, например, в отдельных регионах, где проживает население разных национальностей, нередко можно услышать такие нарушения норм, как стулки вместо стулья, долга вместо долги, мозга вместо мозг. А значит,

данная тема работы отвечает требованиям сегодняшнего дня, полезна и интересна не только для учащихся и студентов.

Практическая значимость исследования заключается в разработке конкретных методических рекомендации по эффективной организации и управлению процессом самостоятельной познавательной деятельности студентов, работая с материалом, анализируя различные ошибки в речи, усваивая нормы современного русского языка. Также можно изучить другие нарушения норм современного русского языка, которыми изобилует сегодняшняя речь. Например, нередко можно услышать такие выражения: еле-как (вместо еле-еле и кое-как), подокойник (вместо подоконник) и т.д.

Апробация и внедрение результатов выпускной квалификационной работы осуществлялись автором на активной педагогической практике в Сырдарьинской областной школе-интернате №1 с углубленным изучением иностранных языков. По теме работы также были представлены доклад, научная статья, презентационные материалы, методические разработки уроков. Результаты работы включены в отчет об активной педагогической практике. Выпускная квалификационная работа прошла обсуждение и была рекомендована к защите на кафедре русского языка и литературы факультета иностранных языков Гулистанского государственного университета.

Структура работы:

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав и заключения. Во введении обосновывается выбор данной темы для написания выпускной квалификационной работы, определяется актуальность её исследования, а также ставятся цель и задачи, рассматривается ее структура.

В первой главе говорится о причинах возникновения вариантных окончаний с исторической точки зрения, о нормированности языка. Она состоит из трех параграфов, в которых раскрываются наиболее частые проблемы в употреблении окончаний имен существительных в различных падежах.

Вторая глава рассматривает историю форм двойственного числа. В первом параграфе второй главы даются правила вариантных окончаний имени существительного в именительном падеже множественного числа. Второй параграф рассказывает об истории образования форм существительных множественного числа на –а. Третий параграф содержит правила употребления отвлеченных, вещественных и собственных имен существительных во множественном числе.

В заключении анализируются и обобщаются результаты, полученные в ходе исследований по данной теме, подводятся итоги и делаются выводы на основе полученных результатов по результатам написания работы.

В списках использованной литературы отражена новая методическая литература, помогающая раскрыть тему данного исследования.

ГЛАВА I. ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВАРИАНТА С ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.

Колебания в словоформах и неустойчивость морфологических норм, их вариантность, объясняются различными причинами, одни из которых восходят к историческому прошлому языка, другие представляют собой абсолютные закономерности живого, развивающегося языка. Познавательные задачи могут касаться как вариантных форм, так и трудных случаев грамматики. Например, сравнение и сопоставление форм на -а во мн.ч. существительных в хронологии и определение перспектив новых форм, не вошедших пока в норму; пары плечи - плеча и подобные им; вариантность флексий в Р.п. ед.ч. и в П.п. ед.ч. слов мужского рода. Что касается форм П.п., то в школьной практике вообще не учитывается окончание -у, несмотря на то, что за ним закреплено самостоятельное значение места.

Интересна для исторического комментирования и проблемных заданий категория одушевленности, состояние которой отражает как системные явления, так и архаизмы, остатки прежних грамматических отношений.

Категория одушевленности родилась на базе частной категории лица и на основе синтаксического противопоставления субъекта (В.) и объекта (И.) высказывания в конструкциях с прямым дополнением. Исключения и отклонения от последовательного выражения категории одушевленности/неодушевленности связаны как с иными конструкциями, так и с другими частными моментами развития русского языка. Задания могут быть выстроены от частного к общему, или от анализа конкретных примеров к выводам о специфичности категории. Почему эту категорию называют лексико-грамматической? Почему категорией одушевленности не обладают слова женского рода? (или обладают не в полной мере).

Наука, изучающая нормы, называется ортология. Достоверность представлений о норме обычно устанавливается по отношению этих представлений к системе языка, к традиции употребления и к практике

современного употребления. Другими словами, нормативная оценка исходит из того, что может быть (соответствует системе), что было (традиция) и что есть (узус). При этом системе языка могут соответствовать две и больше возможностей, а языковая традиция и современное употребление часто противоречат друг другу.

При оценке вариантных форм с позиций литературной нормы необходимо учитывать тенденции языкового развития. Т.е. «именно в плане научной теории о закономерностях развития системы того или иного живого языка и должны оцениваться новые явления в языке и отклонения от установленных норм»⁴. Нормы литературного языка основываются на научном осмыслении языка как объективного и непрерывно развивающегося феномена. Школьное восприятие языка как статичного и неизменного явления, а его норм как вечных и нерушимых - неправильно. Следует учитывать, что эволюция языка непреложна, и, исходя из теории языковой эволюции, нельзя осуждать языковые новшества, как нельзя не считаться с прошлым, не уважать и не беречь литературно-языковые традиции. Для понимания настоящего необходимо изучение прошлого состояния языка, так как все, что когда-то было в языке, так или иначе оставило в нем свой след. Поэтому понять современное состояние языка и уловить тенденции его развития невозможно без исследования и установления внутренних и внешних причин, воздействующих на его структуру. При этом изучение прошлого помогает выявить будущее в развитии языка.

Изменения в языке обусловлены действием определенных тенденций, среди которых можно выделить основные: действие внутренней и внешней аналогии; стремление к системности; преодоление избыточности (тенденция к экономии средств); приведение формы в соответствие с содержанием; усиление различительных признаков языковых единиц. Исторический

---

⁴Виноградов В.В. «Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития», М., 1967.

подход к анализу современных грамматических норм, учитывающий названные тенденции, позволяет перспективно оценить существующие в языке варианты. Эти варианты возникают вследствие развития языка и отражают временное сосуществование старого и нового качества. При этом старое не всегда устаревшее, регрессивное. Как говорил И.И.Срезневский: «Считай прошедшим то, что удерживается силой, искусственно; считай будущим то, что все более пробивается в жизнь языка, хоть иногда частями, по мелочам»⁵. А Л.В.Щерба добавлял: «Разговорные формы, употребляемые младшим поколением, можно рассматривать как вероятные предтечи будущего состояния языка»⁶.

Задачей данной работы является рассмотрение некоторых наиболее интересных и трудных для интерпретации фактов современного русского языка с точки зрения их истории, стремление показать, как складываются нормы, понять причины их колебаний, соответствие общему направлению развития русского литературного языка, т.е. внести «дыхание истории». Но прежде необходимо определить основные понятия, такие, как литературный язык, норма, вариантность.

Литературным языком называют исторически сложившуюся высшую (образцовую, обработанную) форму национального языка, обладающую богатым лексическим фондом, упорядоченной грамматической структурой и развитой системой стилей. Основными признаками литературного языка являются:

- 1) наличие определенных норм, правил, соблюдение которых обязательно;
- 2) стремление к устойчивости (сохранение традиций);
- 3) приспособленность для обозначения любой информации;
- 4) стилистическое богатство (функциональные варианты, синонимы).

Кроме того, следует учитывать социальную обусловленность норм

---

⁵Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. 1849 г.

⁶Щерба Л.В. Спорные вопросы русской грамматики // Русский язык в школе. 1939.

литературного языка, поскольку он обслуживает жизнь общества и его нормы создаются людьми.

Основной, магистральный путь развития русского литературного языка состоит в сближении книжного и разговорного стилей.

С исторической точки зрения соотношение письменной и устной речи не было одинаковым. Этапы расхождения книжного и разговорного языков сменялись их сближением и взаимопроникновением. В развитии норм русского литературного языка неоднократно происходила смена установок на «разговорность» (народность) или на «литературность» (книжность). При этом известно, что при конкуренции форм больше шансов на выживание имеет та, которая поддерживается письмом, литературно-книжной традицией. С другой стороны, письменный язык по отношению к живому вторичен, так как зависит от закономерностей его развития. Разговорная речь, по словам Л.В.Щербы, это кузница, в которой куются все изменения языка.

Основным признаком литературного языка является норма. Норма не статична, она отражает поступательное развитие языка, хотя ее и не следует механически выводить из языковой эволюции. Динамическая теория нормы, опираясь на требование «гибкой стабильности», совмещает в себе и учет продуктивных и не зависящих от нашей воли тенденций развития языка, и бережное отношение к капиталу унаследованных, литературно-традиционных речевых навыков.

Норма языковая, норма литературная – принятые в общественно языковой практике образованных людей правила произношения, словоупотребления, использования традиционно сложившихся грамматических, стилистических и других языковых средств.

Литературная норма складывается как совокупность устойчивых, традиционных реализаций языковой системы в результате социально-исторического отбора элементов из числа сосуществующих, образуемых

вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого и возводимых в процессе общественной коммуникации в ранг правильных.

Норма литературного языка в сознании говорящих обладает качествами особой правильности и общеобязательности, она культивируется в передачах радио и телевидения, в театре, в массовой печати и является предметом и целью школьного обучения родному языку.

Характерные особенности нормы литературного языка:

- относительная устойчивость,
- распространенность,
- всеобщность,
- общеобязательность,
- соответствие употреблению, обычаю и возможностям языковой системы.

Норма обязательна как для устной, так и для письменной речи и охватывает все стороны языка. Различают нормы:

орфоэпические (произношение)
 орфографические (написание)
 словообразовательные
 лексические
 морфологические (грамматические)
 синтаксические
 интонационные
 пунктуационные

Языковые нормы не выдумываются учеными. Они отражают закономерные процессы и явления, происходящие в языке, и поддерживаются речевой практикой. К основным источникам языковой нормы относятся произведения писателей-классиков и современных писателей, анализ языка средств массовой информации, общепринятое современное употребление, данные живого и анкетного опросов, научные исследования ученых-языковедов.

Нормы помогают литературному языку сохранять свою целостность и общепонятность. Они защищают литературный язык от потока диалектной речи, социальных и профессиональных арг, просторечия. Это позволяет литературному языку выполнять свою основную функцию – культурную.

Литературная норма зависит от условий, в которых осуществляется речь. Языковые средства, уместные в одной ситуации (бытовое общение), могут оказаться нелепыми в другой (официально-деловое общение). Норма не делит средства языка на хорошие и плохие, а указывает на их коммуникативную целесообразность.

Языковые нормы – это явление историческое. Изменение литературных норм обусловлено постоянным развитием языка. То, что было нормой в прошлом столетии и даже 15-20 лет назад, сегодня может стать отклонением от нее. Например, в 30-40-е гг. употреблялись слова дипломник и дипломант для выражения одного и того же понятия: «студент, выполняющий дипломную работу». Слово дипломник было разговорным вариантом слова дипломант. В литературной норме 50-60-х гг. произошло разграничение в употреблении этих слов: прежнее разговорное дипломник теперь обозначает учащегося, студента в период защиты дипломной работы, получения диплома. Словом дипломант стали называть преимущественно победителей конкурсов, призеров смотров, состязаний, отмеченных дипломом (например, дипломант Всесоюзного конкурса пианистов, дипломант Международного конкурса вокалистов).

Со временем изменяется и произношение. Так, например, у А.С. Пушкина в его письмах встречаются слова одного корня, но с разным написанием: банкрот и банкротство. Чем это объяснить? Можно подумать, что поэт описался или допустил ошибку. Нет. Слово банкрот было заимствовано в XVIII веке из голландского или французского языка и первоначально в русском языке звучало банкрот. Аналогичное произношение имели и производные: банкротство, банкротский, обанкротиться. Во времена Пушкина появляется произносительный вариант с «о» вместо «у». Можно

было говорить и писать банкрот и банкрот. К концу XIX века окончательно победило произношение банкрот, банкротство, банкротский, обанкротиться. Это стало нормой.

Изменяются не только лексические, орфографические, акцентологические, но и морфологические нормы. Возьмем для примера окончание именительного падежа множественного числа имен существительных мужского рода:

огород – огороды, сад – сады, стол – столы, забор – заборы, рог – рога, бок – бока, берег – берега, глаз – глаза.

Как видим, в именительном падеже множественного числа существительные имеют окончание –ы или –а. Наличие двух окончаний связано с историей склонения. Дело в том, что в древнерусском языке, помимо единственного и множественного, было еще двойственное число, которое употреблялось в том случае, когда речь шла о двух предметах: стол (один), стола (два), столы (несколько). С XIII века эта форма начинает разрушаться и постепенно устраняться. Однако следы ее обнаруживаются, во-первых, в окончании именительного падежа множественного числа существительных, обозначающих парные предметы: рога, глаза, рукава, берега, бока; во-вторых, форма родительного падежа единственного числа имен существительных при числительных два (два стола, два дома, два забора) исторически восходит к форме именительного падежа двойственного числа. Это подтверждается различием в ударении: два часа и часа не прошло, в два ряда и вышел из ря'да.

После исчезновения двойственного числа наряду со старым окончанием –ыу существительных мужского рода в именительном падеже множественного числа появилось новое окончание –а, которое как более молодое стало распространяться и вытеснять окончание –ы.

Источники изменения норм литературного языка различны: живая, разговорная речь; местные говоры; просторечие; профессиональные жаргоны; другие языки.

Изменению норм предшествует появление их вариантов, которые реально существуют в языке на определенном этапе его развития, активно используются его носителями. Варианты норм отражаются в словарях современного литературного языка.

Например, в «Словаре современного русского литературного языка» как равноправные фиксируются акцентные варианты таких слов, как нормировать и норми?ровать, маркировать и марки?ровать, мышление и мы?шление. Некоторые варианты слов даются соответствующими пометами: творог и (разг.) творог, договор и (прост.) договор. Если же обратиться к «Орфоэпическому словарю русского языка» (М., 1983), то можно проследить за судьбой этих вариантов. Так слова нормировать и мышление становятся предпочтительными, а норми?ровать и мы?шление имеют помету «доп.» (допустимо). Из вариантов маркировать и марки?ровать становится единственно правильным маркировать. В отношении творог и творог норма не изменилась. А вот вариант договор из просторечивой формы перешел в разряд разговорной, имеет в словаре помету «доп.».

Показатели различных нормативных словарей дают основание говорить о трех степенях нормативности:

норма 1 степени – строгая, жесткая, не допускающая вариантов;

норма 2 степени – нейтральная, допускает равнозначные варианты;

норма 3 степени – более подвижная, допускает использование разговорных, а также устаревших форм.

Историческая смена норм литературного языка – закономерное, объективное явление. Оно не зависит от воли и желания отдельных носителей языка. Развитие общества, изменение социального уклада жизни, возникновение новых традиций, совершенствование взаимоотношений между людьми, функционирование литературы, искусства приводят к постоянному обновлению литературного языка и его норм.

По свидетельству ученых, процесс изменения языковых норм особенно активизировался в последние десятилетия.

Грамматические нормы – это правила использования морфологических форм разных частей речи и синтаксических конструкций.

Наиболее часты грамматические ошибки, связанные с употреблением рода имен существительных, возвратных и невозвратных глаголов, предлогов.

Лексические нормы, т.е. правила применения слов в речи, требует особого внимания. М. Горький учил, что слово необходимо употреблять с точностью самой строгой. Слово должно использоваться в том значении (в прямом или переносном), которое оно имеет и которое зафиксировано в словарях русского языка. Нарушение лексических норм приводит к искажению смысла высказывания. Можно привести немало примеров неточного употребления отдельных слов. Так, наречие где-то имеет одно значение «в каком-то месте», «неизвестно где» (где-то заиграла музыка). Однако в последнее время это слово стали употреблять в значении «около, приблизительно, когда-то»: «Где-то в 70-х годах XIX века», «Занятия планировали провести где-то в июне», «План выполнен где-то на 102 %».

Для уточнения лексических норм современного литературного языка рекомендуется использовать толковые словари русского языка, специальную справочную литературу.

Орфоэпические нормы – произносительные нормы устной речи. Их изучает специальный раздел языкознания – орфоэпия (греч. orthos – правильный и epos – речь).

Соблюдение единообразия в произношении имеет важное значение. Орфоэпические ошибки всегда мешают воспринимать содержание речи: внимание слушающего отвлекается различными неправильностями произношения, и высказывание во всей полноте и с достаточным вниманием не воспринимается. Произношение, соответствующее орфоэпическим нормам, облегчает и ускоряет процесс общения. Поэтому социальная роль правильного произношения очень велика, особенно в настоящее время в

нашем обществе, где устная речь стала средством самого широкого общения на различных собраниях, конференциях, съездах.

Описание орфоэпических норм можно найти в литературе по культуре речи, в специальных лингвистических исследованиях, например, в книге Р.И. Аванесова «Русское литературное произношение», а также в толковых словарях русского литературного языка.

Языковая норма – это не догма, претендующая на неукоснительное выполнение. В зависимости от целей и задач общения, от особенностей функционирования языковых средств в том или ином стиле, в связи с определенным стилистическим заданием возможно сознательное и мотивированное отступление от нормы. Здесь уместно вспомнить слова нашего замечательного лингвиста академика Л.В. Щербы: «Когда чувство нормы воспитано у человека, тогда-то он начинает чувствовать всю прелесть обоснованных отступлений от нее»⁷.

Любые отклонения от нормы должны быть ситуативно и стилистически оправданы, отражать реально существующие в языке варианты формы (разговорную или профессиональную речь, диалектные отклонения и т.п.), а не произвольное желание говорящего.

В области синтаксиса (особенно в формах управления и согласования) чрезвычайно широко представлена вариантность способов выражения, ожесточенно идет борьба между традиционной синтаксической нормой и новыми, зарождающимися моделями сочетания слов. Общеизвестны трудности, возникающие как при выборе форм управления и согласования, так и при практическом усвоении грамматических правил в школе. Не случайно Л.В. Щерба, подчеркивая необходимость создания активной грамматики русского языка, обращал особое внимание на распространенные ошибки и колебание норм именно в управлении и согласовании.

---

⁷Русская речь, 1967. №1. с.10.

Уже давно норма привлекала внимание исследователей и стала актуальным аспектом и объектом лингвистических наблюдений.

Таблица №

1.

Проблемы нормы не существует вне вариантности. Варьирование форм - это неизбежное следствие языковой эволюции. «Языковая система всегда является продуктом длительного и сложного исторического развития ... Ее непрерывное изменение, сохранение старых и возникновение новых элементов, постоянное воздействие внеязыковых факторов и т.п. приводит к накоплению сосуществующих однозначных явлений, становящихся как бы «избыточными» и приходящих в противоречие друг с другом... Разумеется, не всякая вариантность средств языкового выражения «избыточна». Она становится «избыточной» только тогда, когда варианты не имеют никакой особой нагрузки (семантической, интонационной, стилистической,

экспрессивной и т.д. и т.п.»⁸. Вариантность в языке - это естественное состояние языка как конкретно-исторического явления, но именно существование вариантов вызывает лингвистические проблемы. Область варьирования норм - наиболее трудная и требующая исторического осмысления область литературного языка.

Поскольку язык развивается медленно, постепенно, постольку наличие вариативности, т.е. стадии сосуществования старого и нового качества, не только не вредно, но даже полезно, целесообразно. Варианты как бы помогают нам привыкнуть к новой форме, делают сдвиг нормы менее ощутимым и болезненным. Помимо того, что варианты как бы поддерживают преемственность норм, многие из них вовсе не тождественны. Хотя как только варианты теряют способность взаимозаменять друг друга, они перестают ими быть и становятся самостоятельными формами со своим специфическим значением. В современном русском языке многие ранее параллельные формы, употреблявшиеся безразлично, как полные дублиеты, получили функциональную специализацию. Преобразование полных, избыточных вариантов в неполные, отличающиеся друг от друга со стилистической или иной стороны, является ярким показателем совершенствования литературного языка.

Наряду с вариантами существует и множество отклонений от нормы, речевых ошибок, которые иногда трудно отличить от вариантности (только с помощью нормативных справочников). Но и эти отклонения преимущественно не случайны, а обусловлены либо непоследовательностью и противоречиями во внутренней системе литературного языка, либо воздействием внешних факторов. Многие ошибки оказываются закономерными с точки зрения действия аналогии или других системных проявлений языка.

---

⁸Филин Ф. П. Происхождение и развитие русского языка. – Л., 1954.

Пример: кофе. Это неодушевленное существительное, заимствованное слово, отличается колебаниями в роде: мужской или средний. В подавляющем большинстве заимствованные неодушевленные существительные с гласным на конце слова, несклоняемые (их около 300), имеют в русском языке средний род: ателье, бра, гетто, ралли, желе, жюри, шоу, пенсне, радио, алоэ, тире и т.п. Слов мужского и женского рода всего несколько десятков. При этом согласование по мужскому или женскому роду обычно обуславливается влиянием близких по значению слов или общих названий определенных смысловых групп, например, авеню, шимпанзе и др. Слово кофе должно иметь средний род, но имеет мужской под влиянием языка источника (фр.) и склоняемого варианта кофей. Основная языковая тенденция оказывает сильное влияние на кофе, поэтому есть основания признать допустимым вариантом согласование слова кофе по среднему роду. И если орфографические словари 80-х гг. еще дают один вариант - мужской род, то, например, «Словарь-справочник по русскому языку» 1995 г. форму среднего рода предлагает как «доп.», а «Словарь трудностей русского языка» 1999 г. предлагает вариант среднего рода с пометой «разг.»

Причины появления продуктивных вариантов и речевых ошибок часто совпадают, поэтому их трудно отличить друг от друга, так как сложно выделить критерии правильности нормы. Необходимо учитывать и общественно-эстетические взгляды на слово, и внутренние, независимые от вкуса и желания говорящих закономерности языковой системы в ее непрерывном развитии.

Система охватывает «идеальные формы реализации определенного языка, т.е. технику и эталоны для соответствующей языковой деятельности»⁹ и как бы отвечает на вопрос, как можно сказать, используя потенциальные возможности данного языка.

---

⁹Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.,2009.

Таким образом, норма литературного языка - сложное, динамичное явление. Норма - это не только социально одобряемое правило, но и правило, отражающее закономерности языковой системы и подтверждаемое словоупотреблением авторитетных писателей. А поскольку норма обращена и к языковому прошлому, ее изучение должно производиться с привлечением исторического метода. Исторический подход восполняет недостаточность общих представлений о месте каждого из вариантов в системе языка и расширяет объективные критерии при оценке языковых фактов в ходе кодификации нормы.

Основная трудность изучения норм в морфологии заключается в обилии вариантов. Несмотря на стихийное и сознательное стремление к унификации и постепенное устранение неустойчивых форм, морфологическая вариантность распространяется еще на очень большое количество слов. Только в словаре-справочнике «Трудности словоупотребления» 1973 г. приведено более трех тысяч пар морфологических вариантов.

Колебания в словоформах и неустойчивость морфологических норм русского литературного языка объясняется различными причинами, одни из которых восходят к историческому прошлому языка, а другие представляют собой абсолютные закономерности живого языка. Наиболее общей предпосылкой вариантности в морфологии является смешение и аналогическое взаимодействие старых, унаследованных от прошлого типов склонения, спряжения и других грамматических форм. Например, колебания в падежных формах существительных.

Большую роль играют факторы внутреннего характера, т.е. противоречие между внутренним содержанием и внешней формой, например, домина высоченный/высоченная.

3. Предпосылками колебания морфологических норм могут служить и фонетические признаки слова. Например, колебания в грамматическом роде у слов типа стапель, шампунь; колебания в формах

И. п. мн. ч. : тополи - тополя; в род.п. мн. ч.: косулей - косуль (объясняется конечным сонорным).

Самым важным является действие грамматической аналогии, которое приводит к убыванию вариантности.

1.1. Формы родительного падежа единственного числа. Вариантность флексий.

У части неодушевленных существительных муж. рода наряду с формами Р.п. ед.ч. на -а (-я) имеются формы с окончаниями -у (-ю). В научной литературе их считают формами особого падежа, который называют второй род или партитив. Например, в АГ-80 употребление форм Р.п. на -у связывается с обозначением «целого, из которого выделяется некоторая часть (количество): достать, купить принести чаю, сахару, винограду; тарелка бульону, чашка чаю; мало (много) дыму, снегу». Подобное же значение отмечается в некоторых отрицательных конструкциях, например, нет снегу и называется партитивным. При этом оговаривается, что если Р.п. употребляется не в количественном значении, то нормальны только формы на -а (-я): урожай картофеля, доставка чая, производство сыра, цвет снега, вкус сахара, посев риса. Таким образом, формы Р.п. на -у актуальны для существительных со значением вещества и употребляются в сочетаниях двух типов:

со словами, обозначающими количество: килограмм, литр, стакан, чашка, два грамма, тарелка, немного и т.п.;

в сочетаниях, где сама форма существительного обозначает «некоторое количество того, что оно называет»: налил кипятку, насыпал табаку, добавил сахару и т.п.

Однако при анализе лексического состава форм на -у неизбежно возникают добавления и уточнения, которые часто оказываются за

пределами количественного значения. Прежде всего, вызывает сомнения применение количественных характеристик к абстрактным существительным, хотя они могут иметь флексию -у. В АГ-80 написано: «Форма на -у образуется только у слов, называющих неодушевленные предметы, не поддающиеся счету: вещества, материалы и тому под. массы или абстрактные понятия: покой, треск, шум»¹⁰. Правда, в большинстве случаев абстрактные существительные с флексией -у входят в состав фразеологизированных сочетаний наряду с такими устойчивыми фразеологическими единицами, в которых присутствует «элемент пространственного значения». Но это значение также не сводится к партитивному. Например: наделать шуму, нагнать страху, наговорить вздору, с жиру беситься, задать пару (шороху), брать с бою, что с возу упало, то пропало, с глазу на глаз, с миру по нитке, спору нет, ни шагу, час от часу, раз от разу, с часу на час, с бору по сосенке, ни слуху, ни духу, выпустить из виду и др.

Также выделяются пространственные сочетания с предлогами с, до, из, то есть с количественно-отделительным значением, которые являются остатками эпохи, когда эти слова были односложными с подвижным ударением: с боку, с виду, с глазу, из дому, из лесу, из носу и др. В связи с этим возникает вопрос о роли ударения в развитии форм на -у. С.П.Обнорский, например, считал, что лексико-семантический подход ничего не объясняет, природа явления - в развитии акцентологической системы, при этом не только в Р.п., но и в местном (предложном). Важными признаками слова для получения окончания -у он считал: неодушевленность имени существительного, наличие ударения на основе, безударность флексии Р.п. и ударность П.п.

Формы Р.п. на -у в подавляющем большинстве случаев выступают как варианты наряду с формами на —а, которые могут иметь то же значение.

¹⁰Русская грамматика: научные труды. В 2-х тт. / Брызгунова Е. А., Габучан К. В. (ред.). — М.: Институт русского языка имени В. В. Виноградова, 2005.

Современные исследователи отмечают, что стилистическая противопоставленность форм Р.п. является важнейшим моментом развития языка в современную эпоху. Причем отмечается убывание форм на -у от начала XX в. к его середине. За это время устанавливается преобладание форм на —а в письменном литературном русском языке. Считается, что по существу нет ни одного оттенка партитивного значения Р.п., куда бы не проникала форма на -а. Формы на -у вытесняются из всех конструкций, но с разной степенью интенсивности.

Правда, следует учитывать, что существуют фразеологизмы, не имеющие вариантов, а также есть небольшая группа слов, у которых и в свободном употреблении возможна только форма на -у: это существительные с уменьшительным суффиксом -ок (с ударением на этом суффиксе в прямых падежах и на окончании - в косвенных): (выпить, насыпать, подбавить) дымку, жирку, кваску, кисельку, клейку, коньячку, кофейку, ледку, леску, лучку, медку, парку, сахарку, снежку, сырку, табачку, творожку, угольку, хренку, чайку, чесночку.

Что касается стилистического аспекта проблемы, то формы на -у (-ю) считаются более характерными для разговорной речи, чем для строгих стилей литературного языка.

В целом же проблема вариантности форм Р.п. оказывается неоднозначной и требует исторического подхода для понимания актуальности тех или иных форм, а также выделения того, что является реликтовым употреблением и отражает закономерности прошлых эпох. При этом следует избегать модернизации истории, то есть переносить сегодняшние закономерности вглубь веков, с другой стороны, приносить древние, утратившие актуальность, зависимости в современность.

При анализе проблемы в историческом аспекте поражает устойчивость во времени лексико-семантических характеристик форм на -у и динамичность, изменчивость их грамматической сути. М.В.Шульга выделила три важнейших периода в истории форм Р.п. Древнейший период связан с

усилением категории рода в склонении, следующий - с активизацией категории числа, третий этап связан с историей развития категории падежа, с оформлением особого партитивного значения. Современное состояние форм Р.п. свидетельствует о параллельном существовании результатов развития в разные исторические эпохи.

1. Как известно, окончание -у пришло в склонение слов муж. р. из непродуктивного (около десятка слов) типа склонения. Взаимодействие слов типа медь и пподъ связано с развитием категории рода, так как оно осуществлялось как объединение слов мужского рода в их противопоставленности словам не мужского рода. Флексии третьего склонения были маркированы по роду, так принадлежали только словам муж.р. Взаимодействие проходило во всех абсолютно формах всех трех чисел, что отмечают памятники. В Р.п. флексия -у стала выполнять роль показателя мужского рода, и в этом состояла ее грамматическая функция в системе склонения.

Флексия -у распространяется первоначально среди односложных существительных, так как это входит в характеристику их основ. При этом устанавливается связь между оформлением флексии в Р.п. и акцентной характеристикой слова, а также лексической семантикой. Эта связь обусловлена необходимостью различать числовые формы Р.п.: форму ед. ч. и форму дв. ч. Это важное различие, так как числовые противопоставления в склонении выражаются в каждой падежной форме. При трехчленной системе числовых противопоставлений исключалось совпадение форм ед. ч. с формами дв. ч. и совпадение форм ед. ч. с формами мн. ч. Таким образом, если слова имели Р.п. дв. ч. на -у, то они могли получить в Р.п. ед. ч. окончание -у только при ударении подвижного типа, ибо тогда Р.п. ед. ч. и Р.п. дв. ч. противопоставлялись безударной и ударной флексией.

Флексия -у в ед. ч. у слов второго склонения была возможна также в том случае, если они не имели форм дв. ч., то есть, прежде всего у названий неисчислимых понятий: собирательных, вещественных и отвлеченных,

имевших, правда, формы мн. ч.: мед, доспехи, ковы. При этом у слов, называющих предметы, подлежащие счету, последовательно сохраняется флексия -а.

Следовательно, внутренняя пружина, регулирующая лексическое распределение флексий -а и -у при трехчленной системе числовых противопоставлений, - чисто структурная, морфологическая, а акцентологические и семантические ограничения в распространении флексии -у - это лишь ее поверхностные проявления. Современные лексико-семантические характеристики слов, принимающих флексию -у, пришли, таким образом, из глубины веков. Объединение одним признаком таких разных категорий, как вещественность, собирательность и отвлеченность; грамматикализация этих категорий именно в форме Р.п. и именно при помощи флексии -у становятся понятны с точки зрения грамматической истории языка.

2. Ограничения акцентологического характера снимаются с утратой форм двойственного числа, хотя и сохраняется зависимость от акцентной парадигмы слова. Слова конкретной семантики, получившие форму Р.п. на -у после утраты дв. ч., имеют подвижное ударение: мосту, берегу, броду, стану, лугу, лугу, бору, валу, верху, низу, Раю, Дону. Видимо, отголоском старых отношений являются современные сочетания, в которых в Р.п. присутствует элемент пространственного значения (чаще всего - удаления, отделения, а также переносно), с предлогами с, от, из, реже до. Например: с боку на бок, с правого боку; с самого верху; с виду, с году на год, из лесу, с самого низу, с первого разу, с тылу и т.п. Примечательно, что это слова с односложной основой.

За пределы односложных основ с расширением акцентных характеристик формы на -у выходят в связи с отглагольным образованием существительных. В современном русском языке они составляют заметное явление, при этом сохраняются преимущественно в устойчивых сочетаниях,

что свидетельствует о их древнем происхождении: доход, запас, наряд, снаряд, приплод и др.

На этом этапе общей характеристикой всех слов, имеющих флексию -у, оказывается их неисчисляемость, то есть, на первый план выходит категория числа.

Использование флексий -а и -у для грамматического разграничения значений исчисляемости/неисчисляемости связано с Р.п. естественной связью, так как для Р.п. количественное значение является одним из главных. С другой стороны, при всех основных средствах обозначения количества так или иначе употребляется форма Р.п. (много, мало, несколько; пять, шесть и т.д.). В древнерусском языке Р.п. количества был еще более употребительным, так как форма Р.п. употреблялась при счетных существительных, начиная с пяти, даже при их склонении: прѣд пятью свѣдитель. Не случайно, что и сочетания числительных два, три, четыре с существительным в И.п. дв. ч. переоформляются как сочетания с Р.п.

Грамматикализация значений исчисляемости/неисчисляемости привела к постепенному ограничению вариантности флексий Р.п. Например, в текстах XVII в. вариантность возможна лишь у 8% существительных, которые могут иметь флексию -у, что свидетельствует о лексическом распределении флексий, но не о существовании партитивного значения у Р.п.

Грамматическое оформление партитивного значения проявлялось в основном позднее в постепенном сужении сферы употребления флексии -у до значения части, т.е. в вытеснении ее флексией -а в других значениях и соответственно в расширении вариантности типа воску — воска. Именно такое явление и отмечается в текстах XVII в., далеких от книжно-литературного языка. Вариантность флексий приводит к их синонимичности, на фоне которой наблюдается стремление грамматистов XVIII в. установить стилистическую дифференциацию форм.

Развитие количественного значения у Р.п. все равно сохраняет причастность флексии -у к характеристике слова в отношении к мере и счету

и лишь сужает лексический круг словоформ. Поэтому формы на -у в современном русском языке, не связанные с количественным значением, не актуальны, они представляют собой остаточное, реликтовое явление. Контекстами, в которых выступает второй Р.п., признаются следующие:

1) сочетания, обозначающие количество, точное или приблизительное (килограмм сахару, литр квасу, два грамма аспирина, стакан чаю, тарелка супу, слишком много сахару и т.п.);

2) сочетания, где сама форма соответствующего существительного обозначает «некоторое количество того, что оно называет» (налил кипятку, насыпал табаку, добавил сахару и т.п.) Сочетания типа натерпелся страху, наделал шуму, наговорил вздору рассматриваются как фразеологизированные.

1.2. Формы предложного падежа единственного числа.

Вариантность флексий.

Такие русские грамматисты, как А.А.Шахматов, А.М.Пешковский и др. различали в предложном падеже два падежа: предложный (или «изъяснительный», по терминологии проф. Богородицкого) и местный (с предлогами в и на: в грязи, но о грязи и т.п.; в углу, на дому и т.п.). Но оба эти падежа являются аналитическими, «префиксированными» формами. Их значение и употребление обусловлено функциями префиксов.

М.п. слова «луг» образует префиксированные формы в лугу, на лугу, а П.п. – формы о луге, по луге, при луге, в луге. Беспредложная форма – луге является лишь частью формы П.п., так же, как в форме он ушел бы – он ушел представляет лишь один элемент грамматической структуры. Значения М. и П.п. определяются не конечной флексией, а их префиксами, или предлогами. Именно поэтому изучение функций П.п. неотделимо от изучения предлогов.

В СРЛЯ многие существительные имеют дублетные формы П.п. на –у, и на –е. Например: в соку – в соке, в цвету – в цвете, на крюку – на крюке, в мозгу – в мозге. В таких словах наличие того или иного окончания зависит от ряда конкретных условий (семантических, морфологических, акцентологических).

Сейчас основным окончанием П.п. у большинства существительных м.р. служит –е.

Причина вариантности окончаний П.п. – смешение склонений 2 и 3. Первые имели –е (ять), вторые –у. В силу ряда акцентологических и фонетических условий формы на –у стали проникать во 2 склонение. Например, не только в стогЬ, но и в стогу.

Отношения падежных вариантов на –е и –у неравноправны. С флексией –е наблюдаются неограниченно свободные грамматические образования, выражающие все оттенки значений П.п.: об отце, по отце, при отце, в отце, на отце и т.д. С флексией –у распространены варианты в сочетаниях с предлогами В и НА в обстоятельственном значении места, состояния или времени действия: в цвету, в жару и т.п.

Для формы на –у характерны ряд дополнительных ограничений, которые сужают круг употребления подобных флексий.

Флексию –у принимают только неодушевленные имена, преимущественно с односложной основой, с устойчивым ударением на основе в других формах ед.ч. и с ударением на флексии в формах мн.ч.: бой – в бою, снег – в снегу. Есть несколько существительных с не односложной основой, которые колеблются в П.п. ед.ч. В СРЛЯ почти все они употребляются с флексией –е: угол – в угле – в углу (разг.); узел – в узле – в узлу; омут – в омуте; отпуск – в отпуске – в отпуску; холод – на холоде, в холоде – на холоду; аэропорт – в аэропорте и аэропорту; ворот – на вороте, но: «брань навороту не виснет»; ветер – на ветре и на ветру и т.п.

Как отмечают исследователи, в СРЛЯ сокращается круг слов, которые принимают окончание –у. такая тенденция сопровождается, с одной стороны,

процессом онаречивания и фразеологизации отдельных предложных сочетаний с флексией –у, с другой стороны – специализацией значений вариантных флексий в отдельных лексических парах форм. У целого ряда слов имеются различия в значении и в оттенках значения. Флексия –у используется в устойчивых сочетаниях, а флексия –е – в грамматически свободных:

Дух: в духе времени, быть в духе (не в духе), в духе кого-л., чего-л., но: как на духу.

Долг: не оставаться в долгу, быть в долгу, но: в карточном долге, в патриотическом долге, в долге чести.

Дом: в деревянном доме, находиться в доме, в доме колхозника, но: работать на дому.

И многие другие.

Есть немного слов, у которых свободно варьируются флексии –е и –у. При этом они не несут дополнительной смысловой или грамматической нагрузки: шелк, холм, шкаф, холод, цех, чай, стог, квас, крюк, зуб, мыс, пар, пир, жир, бал, вал, ветер. Различаются варианты форм этих слов в основном сферой употребления: в письменной речи предпочтительнее –е, в устной –у.

Если существительное употребляется с прилагательным, то в нейтральном стиле предпочтительнее –е.

Варианты форм на –у и –е отмечаются у неодушевленных существительных м.р. в сочетании с предлогами В и НА в таких значениях:

с предлогом НА в значении «на поверхности чего-л.»;

с предлогом В: а) в значении «внутри, в пределах чего-л.»; б) в значении «в условиях чего-л.», «в состоянии чего-л.»

Часто в этих же условиях вариантность отсутствует. Например, только форма на –у у вещественных существительных в сочетаниях с предлогом В со значением охвата или полноты охвата чем-н.: ходить в шелку, весь в поту, испачкать руки в мелу; и в сочетании с предлогом НА со значением способа

изготовления с применением чего-л.: настоять на спирту, пальто на меху, пряники на меду.

При других значениях предлогов В и НА выступает форма П.п. на –е.

В составе фразеологических сочетаний вариантность отсутствует: 1) только –е: во цвете лет, в поте лица, в целом ряде; 2) только –у: на слуху, «в долгу как в шелку», быть в долгу, на полном ходу, в цвету.

Наиболее общей и характерной предпосылкой вариантности в морфологии является смешение и аналогическое взаимодействие старых, унаследованных от прошлого языкового состояния типов склонения, спряжения и других способов образования грамматических форм. В истории Р. и П. падежей сказалось развитие трех основных категорий имени: род, число, падеж.

1.3. Формы родительного падежа множественного числа.

Вариантные окончания.

Формы Р.п. мн.ч. могут иметь в современном русском языке окончания -ов (-ев), -ей и нулевое. Эти флексии были отобраны языковой системой в результате унификации в формах мн. ч. и образования единого именного склонения. Флексии происходят из разных парадигм, они принадлежали словам разного рода, а в современном русском языке их распределение мало связано с родом. Выявлено общее соотношение формы И.п. ед. ч. и Р.п. мн. ч.: нулевому окончанию И.п. соответствует ненулевое в Р.п. и наоборот, например: стена - стен, стол - столов, конь — коней, болото - болот, дверь - дверей. Есть исключения, но их немного. Ненулевые флексии распределяются у существительных мужского рода в зависимости от качества конечного согласного основы: -ей имеют слова на мягкий согласный (кроме j) и отвердевший шипящий; -ов (-ев) - слова на твердый и j. Нарушение этой закономерности (то есть варьирование флексий ей //-ов) в

литературном языке невозможно, только в грубом просторечии могут встретиться формы рублёв, товарищев, этажов. Вариантность возможна только с нулевой флексией, например: -ов//0, ей//0. Вариантность подобного рода в современной лингвистике имеет различные оценки и толкования, а также различное объяснение причин и перспектив вариантности. Рассмотрим соотношение форм плеч ~ плечей.

Современные словари и грамматики единодушно рекомендуют нулевую флексию, а -ей квалифицируют как устаревшую. На самом деле все наоборот: исконной древней формой Р.п. мн.ч. существительного плечо была форма плеч (Ср. устойчивые выражения, которые обычно содержат старые формы: гора с плеч, с плеч долой и т.п.). В словаре Даля тоже отмечена только форма плеч. И вообще форм слов среднего рода на -ей немного: морей, полей, вечей (веч), коленей. Но главным является то, что все они достаточно молоды. Еще в XVIII веке в письменности широко представлены формы морь, поль, плеч, колен. А в текстах XI-XVII вв. в памятниках письменности форма плечей не встречается ни разу. Соотношение вариантов плеч - плечей на протяжении последних двух веков существенно не менялось. Правда, для начала XIX века характерно было исключительно плеч, а вариантная форма активизировалась позднее. Но рекомендации были такими же, как и сейчас. Например, Чернышев отмечал, что мы чаще употребляем плеч, чем плечей. Таким образом, современные грамматики историческую перспективу этих вариантных форм описывают искаженно, и по-разному оценивают эти формы по отношению к системе языка. АГ-80 считает нулевую флексию регулярной, закономерной, а ей - отклонением от закономерности. АГ-70, наоборот, флексию ей рассматривает как регулярное, системное явление: формы Р.п. всех трех разновидностей склонения (м., жен., ср.) могут оканчиваться на -ej. Эта флексия выступает при наличии одновременно двух условий: 1) если основа заканчивается на мягкую согласную (но не j) и 2) если ударение падает на флексию. Но если форма

плечей законна, что поддерживает существование формы плеч! Чтобы это понять, необходимо рассмотреть их развитие в историческом аспекте.

В грамматической истории слова плечо отражаются его формально-категориальные особенности (как слова среднего рода) и лексико-семантические (как названия парных частей тела). Существительное плечо имело регулярные формы дв.ч. плечи и мн.ч. плеча.

Наиболее частотной была форма дв.ч., что характерно для парных наименований. Именно она и была переосмыслена в значении мн.ч. после утраты категории двойственности. Точно так же произошло с формами очи, уши, коленЬ вместо мн.ч. колена, очеса, ушеса. Но вариативность форм плечи/плеча в литературе XIX в. сохраняется достаточно долго. (Ср. Умыть лицо, плеча и грудь...; Соболю шубу на плеча накинул он - в руке свеча...).

Своеобразие формы плечи в неорганичности этой формы для русского именного склонения. Дело в том, что утрата мягкого варианта склонения выразилась в замене всех его окончаний окончаниями твердого варианта, т.е. в дв.ч. должна быть форма плече (как колене), и такая форма отмечается в летописях. Но эта форма не закрепилась, так как вмешалось лексическое значение слова, при этом не столько значение парности, сколько значение части тела. В связи с этим слово плечо испытало аналогическое воздействие таких же названий частей тела: локти, брови, голени, горсти, очи, уши и т.п.

Кстати, и колени из колене следует объяснять не фонетическим изменением безударного ятя, а морфологической аналогией. Вероятно, в этом случае имела место тенденция грамматикализации определенного лексического значения.

В круг названий частей тела форма плечи втягивается и акцентуацией. У этих существительных отмечено удивительное единообразие акцентного оформления: брови - бровей, горсти - горстей, локти - локтей и т.п.

Таким образом, очевидно, что в грамматической истории существительного плечо решающую роль играют не формальные, а лексико-

семантические факторы. В соответствии с И.п. мн.ч. плечи и в косвенных падежах следует ожидать форм, образованных по соответствующей модели, наиболее характерной для названий парных частей тела. Сама модель исторически изменялась, но постоянно влияла на систему форм плечо. Это относится и к XIX в. и к современности. В соответствии с формой мн.ч. бровьми возникла форма плечьми, которая к середине XIX в. исчезает, как и бровьми.

Таким образом, форма Р.п. мн.ч. плечей обусловлена и формой плечи и формами типа бровей. Форма плечей отвечает тенденциям развития морфологической системы, т.е. системна и в известной степени предпочтительна в сравнении с формой плеч еще и потому, что связана с некоторыми современными процессами в акцентуации существительного.

На протяжении нескольких веков (последних двух особенно) в русском языке развивается тенденция к противопоставлению ударения в ед. и мн.ч. При этом само ударение в пределах одной числовой парадигмы стремится стать постоянным и единообразным: или на флексии, или на основе. Если ударение в непрямых падежах падает на флексию, то выравниванию ударения мешает отсутствие материально выраженной флексии в Р.п. мн.ч. Вот тут и возникают трудности в образовании той или иной формы (ср.: мольба, кочерга, межа). И если есть возможность выбора (например, после мягкого), возникают новообразования с флексией –ей: межей, долей, свечей, баржей, простыней. Так же и плечей. То есть, в свете всего вышесказанного, форма плечей имеет перспективу в системе русского языка.

Но чем же тогда объяснить вариантность и употребительность (даже нормативность!) формы плеч. Нормативность объясняется просто, так как ее устанавливают люди, а не языковая система. Более существенная причина сохранения в языке этой формы связана с влиянием потенциальной склонности к словам *pluralia tantum*.

Современные исследователи выделяют несколько лексико-семантических разрядов слов с нулевой флексией в Р.п. мн.ч.:

- названия единиц измерения (грамм);
- названия лиц по национальности (грузин);
- названия лиц по воинской принадлежности (солдат);
- названия некоторых парных предметов (ботинок);
- названия плодов, измеряемых массами (баклажан, апельсин, и т.п.).

Эти разнородные группы имеют общее: употребляются почти исключительно во мн.ч. Такое оформление слов, склонных к переходу в *pluralia tantum*, возрастает: носков ~ носок, например. Вероятно, с этим связана и устойчивость формы плеч и варианта плечей как результат действия сильных разнонаправленных тенденций.

ГЛАВА II. ИСТОРИЯ ФОРМ ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА.

Мы рассмотрели вопрос о необходимости изучения морфологического явления во всех его связях — в частности, во взаимосвязи грамматики и лексической семантики, которая в последнее время не только теоретически осознана, но и осуществляется практически.

Собственно говоря, практическая лексикография постоянно пользуется морфологическими различиями как пограничным сигналом при решении вопросов о тождестве слова. Так, например, обычно признаются отдельными лексемами, а не лексико-семантическими вариантами слова, час "единица времени" и часы («механизм»), т.е. по-разному охарактеризованные по отношению к категории числа; или к категории одушевленности-неодушевленности (будильник - лицо и механизм). Правда, последовательности в таком подходе нет. Скажем, в "Словаре современного русского литературного языка" в 17-ти томах ягнятник "птица" и ягнятник "помещение" даются как разные слова, а ягодник "тот, кто собирает ягоды" и ягодник — "место, где растут ягоды" представлены как значения одного слова.

Грамматическая лексикология расширяет типологию морфологических различий, сопровождающих различия в семантике;

- обнаруживает однотипность и однонаправленность лексико-семантического и грамматического развития слов;
- позволяет предполагать семантические различия там, где обнаруживается грамматическая нерегулярность.

Явное и заметное влияние лексико-семантических факторов обнаруживается в истории слова кольно, в частности, стремление противопоставить омонимы морфологически. Реакция на омонимию проявляется различно, но есть всегда.

Во-первых, грамматические различия обнаруживаются между омонимами «сустав» и «род» уже в числе, т.е. в дифференциации числовых

противопоставлений: ко́лно «род» в письменности XI—XIV вв. встречается в формах трех чисел - единственного, двойственного и множественного, а ко́лно "сустав" только в формах двух чисел — единственного и двойственного. Это значит, что в контекстах, предполагающих форму множественного числа, ко́лно "род" и ко́лно "сустав" последовательно различаются морфологически — значению "род" соответствуют формы множественного числа ко́лна, ко́лнѣ, ко́лною и т.д., а значению "сустав" формы двойственного числа ко́лнѣ, ко́лну, ко́лнома. Таким образом, парное существительное ко́лно «сустав» не имеет форм множественного числа, хотя другие парные существительные их имеют. Можно сделать вывод о том, что два омонима изначально противопоставлены по числу. Формы множественного числа у ко́лно "сустав" появляются только тогда, когда исчезают формы двойственного числа у ко́лно "род", т.е. после XIV в., но при этом формы двойственного числа тоже сохраняются. Омонимы как бы обмениваются возможностями числовых противопоставлений. Теперь уже специфика ко́лна в значении «сустав» состоит в возможности иметь три числовые формы, в отличие от «род», у которого возможны только формы ед. и мн. Это тип грамматической реакции на омонимию. В соединении с параллельным флективным расподоблением омонимическое отталкивание в древнерусском языке предстает во всей очевидности.

Флективное расподобление омонимов состоит в том, что реакция на омонимию обнаруживается и в противопоставлении конкретных падежных форм. Например, в И.п. мн.ч. ко́льне - колени и только в значении «сустав» (этот процесс отмечается в памятниках XIII-XIV вв.), а «род» получает форму ко́лнѣ дв. числа. Флексия и выполняет роль выразителя значения парности у названий частей тела, т.е. отражает грамматикализацию лексического значения, так как у большинства парных существительных во мн. числе отмечается флексия -и. Названия частей тела оформлялись в особый лексико-семантический класс со специфическими приметами в образовании форм и в акцентуации. Окончательно это явление сложилось в

19 веке, когда форма колени вытеснила исконную форму колена, получившую оттенок книжности.

Таким образом, грамматическая история слова колена свидетельствует о том, что здесь существуют два разных слова, хотя в толковых словарях — исторических и современных — колено "род" и колено "сустав" рассматриваются как значения одного слова, а не два разных слова.

История других семантических производных от существительного колена в значении "сустав": колено "изгиб", колено "сочлененье" представляет собой известный и показательный пример «сложных и разнообразных типов взаимодействий лексических и грамматических значений». Только колено "изгиб" оформляется по регулярной для слов среднего рода модели: колена, колен, коленам... В значении "сустав" нормой закреплена форма именительного падежа множественного числа колени с обобщением основы на мягкий согласный во всех формах множественного числа: колени, коленей, коленьям... В значении "сочлененье" основа множественного числа распространена морфологическим показателем -и: коленья, коленьев, коленьям.

Таким образом, взаимное отталкивание ("расподобление") омонимов обнаруживается в самых разнообразных грамматических проявлениях: в наборе числовых противопоставлений, в соотношении основ единственного и множественного числа, во флексии падежных форм. К этому можно прибавить специфику словообразовательных потенций каждого из омонимов, о которой уже говорилось в предыдущем разделе. История этих омонимов выразительно иллюстрирует тезис о взаимосвязи лексического и грамматического в слове, без учета которой невозможно решение многих как морфологических, так и лексикологических проблем. Отношения, наблюдаемые в лексико-семантическом и грамматическом развитии слова, оказываются однотипными и однонаправленными ("ответвлению" значений соответствует расподобление грамматических форм), и это может служить аргументом для их одинаковой интерпретации при решении вопросов о

тождестве слова. В самом общем виде этот подход можно сформулировать так: там, где различие в значениях сопровождается формальными различиями, — там нельзя говорить о тождестве слова. Естественно, что этот путь ведет к более последовательному отражению результатов безморфемного (семантического) словопроизводства.

Исследования по грамматической лексикологии обнаруживают со всей очевидностью, что реакция грамматической системы на семантические сдвиги — это явление совсем не уникальное, а напротив, едва ли не закономерное. Из этого можно извлечь некоторый урок для лексикологических исследований и для практической лексикографии: всякие отступления от морфологической регулярности должны привлекать внимание и настораживать, в них почти определенно участвует семантический фактор. В этом смысле можно говорить о прогнозирующей силе грамматической специфики для исследования семантического развития слова.

Скажем, такие раритеты, как очи, уши, плечи, колени. Почему не ока, уха, плеча, колена, как, впрочем, по говорам встречается? Ссылка на старые двойственные формы ничего не проясняет: выровнялись же по регулярным образцам руки, ноги, бедра и им подобные, тоже употреблявшиеся по преимуществу в двойственном числе, а не во множественном.

Различия в судьбе этих словоформ наметились довольно рано. Показателен пример из Палеи 1406 г., Там плечи сохраняет форму двойственного числа, а руки уже употребляется во множественном:

и предасть господь плещи ваши подь руки крестьяньскы.

Думается, что подобные различия были обусловлены степенью употребительности форм единственного числа по отношению к формам неединственного числа. А это определялось семантическими особенностями: насколько один из пары предметов мог мыслиться и функционировать относительно автономно. Для слов бедро, стегно, рука, нога и подобных, широко употребляемых в единственном числе, система форм единственного

числа была стержневой, по ней строилась, на нее равнялась вторая система, т.е. морфологическая структура форм множественного числа. Очи, уши, плечи, колени — это предметы, мыслимые большей частью в паре, функционально связанные теснее. Для них исходными были формы множественного числа, поэтому они могли сохраняться, не будучи скорректированными с формами единственного числа. Наоборот, они могли подчинить себе формы единственного числа.

Об этом свидетельствуют некоторые случаи обратной коррекции - перестройки единственного числа с ориентацией на формы множественного числа. Так, в современных говорах встречаем иногда: И.п. ед.ч. очь, Р.п. ед.ч. оча (д. Ступино Архангельской обл.) В словаре А. Подвысоцкого отмечено плець, Т.п. ед.ч. плецью, производное явно от плечи.

Именно на базе форм множественного числа, а не единственного у этих слов сформировались семантические производные: плечи — это не только и даже не столько "два плеча", сколько "спина" в древних памятниках и в современном украинском языке; очи — это "зрение", а уши — "слух"; колѣни — это уже совсем не "два колена", а "ноги от коленного сустава до таза, ляжки" (в сочетаниях: сажать на колени, набрать полные колени). Не беремся судить, что здесь первопричина: преимущественное употребление в неединственном числе создавало предпосылки для лексикализации его форм, для развития семантических производных на его основе или наоборот - семантические сдвиги подобного рода способствовали сохранению грамматической специфики этих форм. Здесь причины и следствия разграничивать, видимо, неправомерно. Это тот случай, когда приходится говорить не о направлении зависимости, а о взаимозависимости явлений семантики и грамматики.

С существенными семантическими сдвигами связана также специфическая флексия форм множественного числа существительных холоп, цыган, сосед, черт, хозяин. Имеются в виду загадочные, "неправомерные" формы холопи, соседи, черти, цыгане, хозяева и

производные от них. При всей индивидуальности истории каждого слова, они объединены тем, что, употребляясь во множественном числе, обозначают понятия, мыслимые в совокупности, не просто множество предметов, а нечто качественно иное.

Холопи было социальным термином и сохраняло свою грамматическую специфику до тех пор, пока употреблялось в этом совокупном терминологическом значении, т.е. до исчезновения самого правового института холопства. Утрата семантической обособленности по отношению к единственному числу привела к регуляризации его форм, к вытеснению форм типа холопи, холопей, холопам формами холопы, холопов, холопам и т.д.

В семантико-грамматической истории слова сосед обнаруживаются те же особенности: терминологичность, фразеологическая закрепленность, связанная с существованием в XVI -XVII вв. социальной категории соседей или подсоседников - разорившихся безземельных крестьян, не имевших самостоятельного хозяйства.

И.Б. Серебряная специально подчеркивает сдвиг значения во множественной парадигме черти: «Черти — это не просто больше чем один черт, а нечто качественно иное. Черти так же подчиненно относятся к черту, как беси к дьяволу, сатане»¹¹.

Тесно смыкается с лично-собирательными существительными слово хозяева; естественно примыкает сюда и цыгане как этническое наименование. Таким образом, и для этих слов, как для некоторых названий парных предметов, система форм множественного числа является стержневой. И здесь возможна обратная коррекция - перестройка форм единственного числа с ориентацией на формы множественного числа, как об этом можно судить по новообразованиям типа И.п. ед.ч. холопь, Р.п. ед.ч. холопя, Т.п. ед.ч. холопемь.

---

¹¹Серебряная И.Б. Грамматическая история слов (на материале имен существительных) . —Дис. канд. филол. наук — МГУ, 1984.

Попытки объяснить специфическую флексацию во всех этих случаях наводят на особенности лексической семантики, и в этом отражена определенная закономерность.

2.1. Формы именительного падежа множественного числа на-а.

М.В. Ломоносов в свое время безоговорочно рекомендовал к употреблению только 3 слова с окончанием -а в именительном падеже множественного числа: бока, глаза, рода и давал небольшой перечень слов, допускавших двойное употребление форм на -ы и на -а: леса - леса, береги - берега, колоколы - колокола, снега - снега, луга - луга. Госпожа Простакова в комедии Д.И. Фонвизина "Недоросль", написанной в 18 в., употребляла во множественном числе существительное «учитель»: " Вот и учителя!" Обычными, для литературного языка в 19 в., были формы: поезда, дома, парусы, профессоры.

Отчетливо вырисовывается тенденция в развитии: неуклонно увеличивается число форм на ударяемое - а/ (-я) за счет форм с неударяемым - ы/ (-и).

К образованию форм именительного падежа множественного числа на - а/ (-я) тяготеют:

а) односложные слова: бег-бега, лес-леса, век-века, дом-дома, шелк-шелка, том-тома и др. Но: торты, слоги, супы, фронты, порты.

б) слова, имеющие в единственном числе ударение на первом слоге: ордер - ордера, жемчуг - жемчуга, повар - повара, адрес - адреса, сторож - сторожа, вензель - вензеля, катер - катера, штабель - штабеля, окорок - окорока, череп - черепа, орден - ордена и др. Но: почерки, конюхи, клапаны, лекари.

К образованию форм именительного падежа множественного числа на - ы/ (-и) тяготеют:

а) слова с ударением на конечном слоге основы: доцент - доценты, портфель - портфели, разрез - разрезы, ревизор - ревизоры, процент - проценты, ревизор - ревизоры, пароход - пароходы и др. (единичные исключения типа рукав - рукава, обшлаг - обшлага);

б) слова иноязычного происхождения с финальной частью - ер: офицер - офицеры, шофер - шоферы, инженер - инженеры, режиссер - режиссеры, дирижер - дирижеры, актер - актеры и др.

в) слова латинского происхождения с финальной частью - тор, обозначающие неодушевленные предметы: детектор - детекторы, конденсатор - конденсаторы, рефлектор - рефлекторы, трансформатор - трансформаторы. Слова латинского происхождения на - тор, - сор, - зор, обозначающие одушевленные предметы, могут иметь в одних случаях окончание - ы: конструкторы, лекторы, ректоры, цензоры, авторы, диспетчеры, в других - а: директора, доктора, профессора.

Допустимы с учетом их разговорного характера варианты формы на - а у ряда существительных: корректоры - корректора, инструкторы - инструктора, инспекторы - инспектора, редакторы - редактора;

г) трехсложные и многосложные слова с ударением на среднем слоге: бухгалтеры, аптекари, ораторы, библиотекари, композиторы, исследователи.

Формы аптекаря, бухгалтера являются просторечными, а не нормативными и не рекомендуются к употреблению. Форма бухгалтера, слесаря, протокола наиболее часто встречающееся нарушение сегодня.

Исходя из вышеизложенного материала, можно сделать вывод, что окончания имени существительного множественного числа мужского рода делятся на стандартные и нестандартные. Стандартные окончания - и/ы отвечают литературной норме, а нестандартные а/я - ближе к разговорной

речи. История развития форм именительного падежа показывает, что больше образуется форм с окончанием на - и/ы.

Регулярные формы слов муж.р. имеют либо безударные, либо ударные окончания –ы/-и. Но ряд существительных муж.р. имеют ударную флексию – а. Наличие такого окончания всегда свидетельствует о том, что во всех формах мн.ч. окончания будут ударными.

Таблица № 2.

Форма существительных, образующих множественное число при помощи окончания - а/ (-я)	Форма существительных, с окончаниями ы/ (-и), употребляющихся только во множественном числе
Провода (электрические)	Проводы (при отъезде)
Соболя (меха)	Соболи (животные)
Счета (документы)	Счеты (прибор; взаимные отношения)
Зубья (у пилы, бороны)	Зубы (у животных)
Коренья (овощи)	Корни (у растений, также математические)
Листья (на дереве)	Листы (в книге; хотя в поэзии возможно: опадали листья)
Мужья (в семье)	Мужи (государственные деятели)
Сыновья (у родителей)	Сыны (родины)
Ключья (более мелкие части)	Клоки
Лоскутья	Лоскуты

Такое образование форм мн.ч. свойственно существительным, имеющим в ед.ч. ударение на основе. Таким образом, это один из случаев расподобления по ударению форм ед. и мн. числа. Значит, говоря о формах И.п. мн.ч. мы невольно характеризуем всю систему форм соответствующего

существительного с точки зрения его принадлежности к акцентной парадигме.

Форм И.п. мн.ч. муж.р. с флексией –а, которые не противоречат норме, более 150-ти. Немного, но в этой группе большинство широкоупотребительных слов.

Кроме таких форм (нормированных), есть формы варианты (-ы/-а) с точки зрения нормы в разной степени допустимости.

Характеризуя подобные существительные, у которых есть –а, недостаточно указать на то, что они принадлежат к подвижному типу ударения. Важно, какой слог основы у них ударный. И оказывается, что среди таких существительных преобладают слова с двусложными основами, имеющими в ед.ч. ударение на 1-ом слоге. Есть слова трехсложные с ударением не на последнем слоге: колокол, учитель и т.п. И устойчивая группа односложных существительных: бок, дом, луг, т.е. три типа основ.

Перечисленные типы основ определяют границы действия тенденции, которая приводит к увеличению в литературном языке количества существительных, имеющих флексию –а в И.п. мн.ч. А среди слов иного внешнего облика такие формы возникают лишь за пределами языка (инженера, напр.).

Область наиболее интенсивного действия тенденции – существительные с двусложными начально-ударными основами, особенно заканчивающиеся на –ер, -ор, -рь, -ль, -ус (свитер, рупор, токарь, парус).

Существенна и сфера употребления: в основном это профессиональная речь, т.е. своего рода профессиональная норма.

И в целом в литературном языке у многих слов с охарактеризованными внешними признаками формы на –а приобретают «права гражданства». Процесс этот современный и довольно активный. Поэтому современные словари многие слова дают с вариантами (как равноправными) формами, из которых еще «старая» не вытеснена «новой»: трактора /-ы, слесаря /-и, токаря, ястреба, инструктора и т.п. В некоторых случаях один вариант

основной, другой допустимый: полюсы – полюса, вымпелы – вымпела, и наоборот: векселя - вексели. Есть и слова с –а с пометой запретительной: бухгалтера, возраста, диспетчера, лектора, тренера.

Образование разных форм на –ы и –а способствует (или используется как) отталкивание, расподобление омонимов, например:

Адреса – адреса

Лагеря – лагеря

Образа – образы

Пропуска – пропуски

Учителя – учителя

2.2. История образования форм на –а.

Проблема происхождения форм – сложная и активно обсуждаемая. Впервые они отмечены в грамматике Ломоносова (всего слов 10). Отдельные случаи употребления отмечаются с XV в., но лишь с XVIII заметно активизируются. Параллельно сохраняются и архаичные образования. Это связано со сложными отношениями между живым и книжным языком. Формы на –а проникают в литературный язык как синонимичные к исконным формам на –ы/-и и могут сосуществовать. Иногда как равноправные варианты, иногда отличаются сферой употребления или стилистическими приметами. Но соотношение большинства форм неясно и размыто, поэтому и интерпретируются они по-разному.

Вариантность возрастает с конца XVIII в. Мы это наблюдаем в художественных текстах:

Кони под вихорь стрел, на ряд мечей, за смертью иль за славою летели
(А.Н.Радищев)

И вождь летит перед ряды; и пышет ратник боем и ржут коня, бразды
грызя... (А.Н. Радищев)

Бои тебя на ратный подвиг звали... (В.А. Жуковский)

Боя давно уж отгремели... (В.А. Жуковский)

И тополи, стеснившись в ряд... (А.С. Пушкин)

Тополя шумели под холодным ветром, бледный рожок месяца одиноко висел в черном небе (И.А. Бунин)

Итак, причины появления форм. Большинство ученых предполагает, что эти формы являются продолжением форм дв.ч., осмысленные как формы мн.ч. сначала у парных существительных: берега, глаза, повода, рога, рукава и т.п. Но вряд ли это так просто. Много противоречащих этому фактов.

Главное возражение связывается с характером ударения в формах дв.ч. Дело в том, что у них ударение падало на основу, а не на флексию (два берега). Т.е. они вряд ли могли служить образцом для новых форм типа луга. Кроме того, хотя формы дв.ч. для парных были более частотны, чем формы мн.ч., все-таки они встречаются достаточно регулярно. Таким образом, вопрос надо ставить следующим образом: почему все-таки формы на –а у этих существительных победили, передвинув ударение, т.е. что их поддержало в этом изменении? А также вызвало к жизни формы типа луга, леса, никак не связанные с представлением о парности.

Возможно, прав Обнорский, говоривший о влиянии собирательных существительных на –а (типа сторожа, братья), но все равно это можно соотнести только с парными, а не с луга, леса и т.п.

Возможно влияние слов среднего рода и косвенных падежей мн.ч. – ах, -ами.

Для того, чтобы подойти к решению этого вопроса, следует обратиться к таким категориям слов, для которых по разным причинам не свойственно образование форм на –а. Это существительные жен.р. 1 склонения. Известно, что при устойчивости флексий они пережили значительные изменения в области ударения (это выражалось, в частности, в противопоставлении форм ед. и мн. числа: в ед. на флексии, во мн. на основе, по крайней мере в И.-В.п.: беда – беду / беды, бедам, а ранее: беды – бедам).

Это явление активно развивается в 19 веке, особенно во второй половине. И теперь лишь немногие сущ. (в пределах 1-2 десятков) сохраняют старое противопоставление во мн.ч. И косвенные падежи: ноги – ногам. Это сущ., главным образом, называющие части тела. В диалектах у подобной группы слов проявляется следующая особенность: они могут обобщать флективное ударение, которое переходит и в И.п. с усвоением флексии –а: крутая гора; деревня; гнать в три шея (по шеям).

Таблица № 3.

Окончание -а (-я)	Окончание -ы (-и)
1. Структура слова и место ударения	
Как правило, односложные слова или имеющие в ед.ч. ударение на первом слоге: <i>бег – бегá, бéрег – берегá</i>	Многосложные слова с ударением на среднем или конечном слоге: <i>договóр – договóры</i>
2. Происхождение слова	
Группа латинских слов на -тор , обозначающих одушевленные предметы: <i>дирéктор – директорá</i>	Французские слова с ударным -ер (-ёр) и латинские на -тор , обозначающие неодушевленные предметы: <i>конденсатор – конденсаторы, трактор – тракторы</i> + часть слов, обозначающих одушевленные предметы: <i>лэктор – лэкторы, стажер – стажёры</i>
3. Стилистическая принадлежность	
Разговорная, профессиональная, с оттенком устарелости речь. И так, ненормативные: <i>бункерá</i> <i>возá</i>	Книжная, письменная речь, то есть нормативные употребления: <i>бункеры</i> <i>зóзы</i>

Все эти факты доказывают следующее: между ударными флексиями косв.п. мн.ч. и –а в И.-В.п. существует несомненная связь. Более ярко это

проявляется у И.п. жен.р. на *i: лошадя, матеря, дверя и т.п. При этом нужно помнить, что для них –ами новая флексия, вероятно, она и усваивалась как ударная. Только при этом условии может быть в И.п. И противопоставление форм в ед. – мн.ч. у них то же, что нас интересует: ед. ударение на основе, мн. – на флексии.

Очевидно, что процесс выравнивания акцентной парадигмы – общий для всех имен. Точно так же, как матери – матерям, так и города – городам, а далее города – городам. Таким образом, причины возникновения ясны.

Теперь: с чем связана активизация процесса и их проникновение в литературный язык во взаимодействии с формами на –и/-ы. И здесь нужно вспомнить о словах среднего рода: именно слова среднего первыми рода стали усваивать в косвенных падежах –а-, т.к. для них это было поддержано уже имеющейся флексией –а в И.-В.п. мн.ч. И у них тоже акцентная парадигма: ед. на основе, мн. (в основном) на флексии, т.е. у них такая тенденция существует. Усваивая ударные флексии в косв.п., они могли передвигать ударение на флексию и в И.-В.п. мн.ч.

На всем протяжении развития новых форм у слов ср.р. отмечается их активное взаимодействие со словами муж.р. Их взаимовлияние выразилось, в частности, и в том, что сами слова ср.р. начинают получать флексию –и/-ы, как у слов муж.р.: крылы, солнцы, окны и т.п. (остатки процесса в формах типа: перышки, т.е. с суффиксами субъективной оценки, соотносимых с муж.р.).

Таким образом, в развитии флексий И.п. муж. и ср.р. обнаруживается явный параллелизм, так же как и в усвоении форм с –ах и в закреплении определенного типа акцентной парадигмы. Номинативное ударное –а приобрело значение самостоятельной морфемы. В эти отношения втягиваются и бывшие формы дв.ч. типа рога. Эти сущ. муж.р. способствовали активизации усвоения –а и поддерживали, но не были ведущим источником, как и собирательные существительные.

Не получают ударную –а существительные по следующим основаниям:

1. производные (преимущественно от глаголов), у них в основном неподвижное ударение;

2. на мягкий согласный основы – только за пределами литературного языка;

3. и исключения в похожем акцентном типе, напр., волки - волкам.

Таким образом, в формах мн.ч. существительных м.р. при наличии ударения на основе в формах ед.ч., а также при наличии акцентного противопоставления И.п. – косвенных падежей проходило повсеместное закрепление ударения на флексии, которому могло сопутствовать обобщение флексии –а. Иногда ударение переносится, но флексия остается, отсюда варианты в современном литературном языке: верхи – верха, гробы – гроба, но особенно широко в говорах.

2.3. Употребление отвлеченных, вещественных и собственных имен существительных во множественном числе.

1. Некоторые отвлеченные имена существительные, употребленные в конкретном значении, ставятся в форме множественного числа, например: ...Говорили о радостях труда (Чехов) (ср.: скрыть свою радость); ...Он стал перечислять красоты родной страны (т.е. красивые места); низкие температуры (ср. температура наружного воздуха); шумы радиоприёмника (ср. шум на улице); морские глубины (ср. глубина моря); получить в школе прочные знания (ср. знание жизни); Педагогические чтения (ср. чтение классических произведений); число продаж (в значении "число актов продажи").

Отвлеченные существительные употребляются во множественном числе также для обозначения интенсивности явления, его повторяемости, например: По ночам стоят холода... (А.И. Куприн) (ср.: посинеть от холода);

Морозы... время крещенское... (А.Н. Островский) (ср.: вынести продукты на мороз).

2. Имена существительные с вещественным значением употребляются в форме множественного числа для обозначения различных сортов или видов вещества, например: высококачественные стали, дорогие табаки, красные и белые глины, лечебные вина, смазочные масла, спирты из недефицитного сырья. Ср.: в специальном употреблении:

бензины, граниты, каучуки, цементы, эфиры, культурные лаки, офсетные бумаги. Однако названия элементов (золото, серебро, платина, азот, калий, натрий и др.) не образуют формы множественного числа. Не образуют ее и такие вещественные существительные, как молоко, просо, рис, щавель, пух, тёс и др. Вещественные существительные: сахар, топливо, масло, нефть, соль, мрамор - употребляются, как правило, в форме единственного числа. Но в профессиональной речи для обозначения разновидностей, сортов веществ используется форма множественного числа: сахара, топлива, масла, нефти, соли, мраморы. Эти формы имеют стилистический оттенок профессионального употребления, не нарушающего норму.

3. Форма множественного числа употребляется также для обозначения изделий из данного материала: бронзы, фарфоры, хрустали; ср.: Мебель же, зеркала, бронзы отдавались даром (Л. Толстой).

Форма множественного числа рассматриваемых существительных может также указывать на большое количество вещества, занимающего обширное пространство: пески пустыни (ср.: разбросан песок); бесконечные снега (ср.: выпал снег); в частности, при названии злаков: овсы, ячмени (также озими). Ср.: Солнце закатилось, и в мокрых ржах кричали перепела (А.Н. Толстой); Вдоль дороги дымились в росе вызревшие овсы (М.А. Шолохов).

Различие в формах единственного и множественного числа названий плодов, овощей, ягод (ср.: килограмм малины - килограмм яблок) связано с

тем, что при сборе или потреблении одни культуры выступают как нерасчлененная масса, другие - как единичные предметы. Ср.: килограмм вишни, смородины, клубники, моркови, репы - килограмм груш, персиков, абрикосов, огурцов.

4. Собственные имена существительные употребляются в форме множественного числа для обозначения типа людей, например: И может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать (М.В. Ломоносов). Эта форма используется также для выражения отрицательной оценки с характером типичности, причем происходит переход собственного имени в нарицательное, например: квислинги (изменники-коллорационисты). Фамилии в форме множественного числа обозначают членов одной семьи, например: семья Ивановых (иностранные фамилии в этом случае сохраняют форму единственного числа, например: семья Вильгельм).

Грамматические трудности у слов типа диван-кровать, вагон-ресторан возникают в связи с тем, что не всегда ясна общая родовая характеристика (кафе-столовая открылось или открылась?), а также из-за колебания в склонении первой части (из вагона-ресторана либо из вагон-ресторана). Решение данных вопросов облегчается разграничением дефисных образований на две группы: составные сложные слова и слитные сложные слова. Окончания таких слов во множественном числе варьируются соответственно этому разграничению.

Таблица № 4.

№ п/п	Составные сложные слова	Слитные сложные слова
1.	Относительная расчлененность восприятия и большая информативная значимость первой части сложного слова: Например: <i>телефон-автомат</i> (автоматический телефон)	Большая смысловая слитность компонентов и информативная значимость второй части: <i>генерал-прокурор</i> (генеральный прокурор).
2.	Изменяемость первой части. Например: мн. ч. <i>телефоны- автоматы, вагоны- Рестораны</i>	Неизменяемость первой части. Например: мн. ч. <i>генерал- прокуроры</i>
3.	Родовая характеристика сложного слова соответствует роду первого компонента. Например: <i>диван-кровать</i> <i>стоял,</i> мн. ч. <i>диваны-кровати стояли</i>	Родовая характеристика сложного слова соответствует роду второго компонента. Например: <i>зеленая плащ- палатка,</i> мн. ч. <i>зеленые плащ-палатки</i>

Изучение норм употребления имен существительных во множественном числе открывает новые знания и навыки выбора форм с окончанием, которое соответствует стандартам, а значит литературной речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в выпускной квалификационной работе были рассмотрены различные аспекты норм образования словоформ. Данная работа показывает, что знание вариантов, умелое их использование позволяет говорящему (пишущему) точнее выразить свою мысль, разнообразить речь, свидетельствует о его речевой культуре. «Владение языком предполагает соответствие правилам грамматики, - пишет Г.А. Золотова. - Грамматическая правильность речи - неперенный, но элементарный критерий речевой культуры. Подлинная высота речевой культуры определяется разнообразием способов выражения того же смысла, находящихся в распоряжении говорящего, точностью и целесообразностью их выбора соответственно коммуникативной задаче»¹².

Поставив вопрос о культуре речи преподавателей русского языка в иноязычных группах, я считаю обязательным систематическое изучение ими вариантов вообще и падежных вариантов существительных в частности. С последними связан широкий круг вопросов, относящихся к разным уровням языка. Однако, реальное речевое употребление, задача облегчения владения и овладения нормами русского языка, применение правил толерантности, специфика иностранной аудитории обуславливают особый подход к обучению вариантам.

В этом отношении важно прежде всего определить необходимый учебный материал, наметить круг варьирующих в родительном и предложном падежах единственного числа существительных, с которыми целесообразно проводить изучение рассмотренных вариантов. Выявлены также синтаксические конструкции, в которых отдается предпочтение употреблению форм на -у. Они должны стать предметом специального изучения при подготовке иностранных филологов-русистов.

---

¹²Г.А. Золотова. Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998, 2004.

Работа над данной темой показала, что для иностранцев словари и справочные пособия незаменимы. Их роль еще более возрастает при изучении русского языка в условиях зарубежных стран. Внесен ряд предложений по совершенствованию подачи падежных вариантов существительных в лексикографических работах.

Наконец, хочу указать, что изучение падежных вариантов не является самоцелью. Оно служит одним из ключей к пониманию динамики и вариантности языковых норм, разнообразия и богатств выразительных и экспрессивных средств русского языка. Оно органически входит в задачи практической стилистики и культуры речи.

Выполненная работа убеждает в целесообразности тщательного изучения всех вариантных форм русского языка, что позволит, с одной стороны, сделать существенные теоретические обобщения, с другой, поможет в сложной работе по практическому овладению русским языком как иностранным.

В работе приведены вариантные окончания имени существительного, которые рассматривались в таких аспектах, как проблема нормы и варианта с исторической точки зрения, исторические изменения в системе склонения имен существительных.